

Глава 9

Му Циньчуань подцепил двумя пальцами щенка чёрно-белого окраса и, осмотрев его с головы до хвоста, остался не слишком доволен.

— И это всё? Какой-то он глуповатый на вид.

— Капитан, бордер-колли — самая умная порода собак, — поспешила объяснить Лин Яоя. — Их интеллект сравним с интеллектом младшего школьника. При должной тренировке они могут различать более тысячи слов. Вы же просили найти самого умного пса, вот он.

Му Циньчуань скрепя сердце кивнул, сунул щенка в переноску и собрался уходить.

— Капитан, вы куда? У нас скоро совещание, — напомнила Лин Яоя.

— К чёрту совещание, — отмахнулся он, не оборачиваясь. — У нас нет ни единой зацепки. Когда найдёте что-нибудь, тогда и позовёте.

С этими словами он стремительно исчез.

Лин Яоя посмотрела на Вань Хао:

— Капитан ушёл. Что теперь? Совещание проводить будем?

— Какое совещание? Пошли искать зацепки, — вздохнул тот.

Когда капитан вёл себя так своенравно, его подчинённым оставалось лишь усерднее работать.

— Кстати, с чего это капитан вдруг решил завести собаку? Он же терпеть не может животных.

Как-то раз один из сотрудников принёс в отдел своего кота, так Му Циньчуань обрушился на него с такой бранью, что чуть не выбросил несчастное животное в окно.

Вань Хао тоже не находил ответа. Не находя, он решил и не искать.

— Ладно, у капитана вечно семь пятниц на неделе. Может, директор Чжан отстранил его от дела Цзян Чэньчжоу, вот он и решил завести собаку, чтобы развеяться.

— Может быть.

Му Циньчуань бросил переноску на пассажирское сиденье и выехал с территории Бюро. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он холодно усмехнулся и вдавил педаль газа в пол.

В салоне неприметного чёрного автомобиля, следовавшего за ним, раздался раздосадованный голос:

— Директор Ван, я его потерял.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина, после чего последовал быстрый ответ:

— Ничего, раз потерял, возвращайся.

Завершив звонок, Ван Ливэй с головной болью посмотрел на человека напротив.

Лицо директора Чжана было ещё мрачнее.

— Ты приказал следить за Циньчуанем!

— Это всего лишь формальность, — попытался оправдаться Ван Ливэй.

— После провала последней операции вы заподозрили Циньчуаня в предательстве и хотели отстранить его от дела Цзян Чэньчжоу, — лицо директора Чжана посуровело. — Это я убедил его подчиниться. Но это не значит, что я согласен с вашими методами.

— Циньчуань вырос на моих глазах, — в голосе директора Чжана зазвучало негодование. — Он родной брат Юань Ся. Предать может кто угодно, но только не он. Я готов поручиться за него своей жизнью.

Директор Ван встал, чтобы успокоить его:

— Старина Чжан, не горячись. Никто не сомневается в преданности Циньчуаня.

— Тогда что всё это значит? — холодно усмехнулся тот.

Директору Вану пришлось объясниться:

— После провала операции Цзян Чэньчжоу снова исчез. Мы все знаем, что с его способностями, если он захочет спрятаться, шансы найти его снова ничтожно малы.

— И какое это имеет отношение к Циньчуаню? Он больше всех на свете желает найти Цзян

Чэньчжоу и уничтожить ту тварь.

Директор Чжан снова и снова подчёркивал:

— Он и сам был тяжело ранен.

Лицо директора Вана слегка изменилось.

— Именно потому, что он брат Юань Ся, он и является ключом к поимке Цзян Чэньчжоу.

— После смерти Юань Ся, — продолжил он убеждать, — Цзян Чэньчжоу так и не смог смириться с этим фактом. Он начал постоянно проникать в гуй-миры, похищать артефакты-гуй и отлавливать гуй-предметы. Мы подозреваем, что он напрямую пожирал их. Его уровень загрязнения, скорее всего, уже превысил девяносто. Он, вероятно, уже не человек.

Директор Чжан помрачнел.

После Пришествия Сверхъестественного Объединённое Бюро по Аномалиям разделило уровень загрязнения человека на сто единиц.

От одного до десяти — безопасный диапазон, который могли выдержать даже обычные люди без последствий для повседневной жизни.

От одиннадцати до тридцати — люди с сильной волей ещё могли сохранять ясность ума, тогда как слабовольные рисковали впасть в состояние хаоса.

Одарённые, слившиеся с артефактами-гуй, имели базовый уровень загрязнения выше тридцати, но благодаря артефактам их устойчивость к влиянию гуй значительно повышалась.

Однако и у этой устойчивости был предел.

Превысив отметку в пятьдесят, одарённые становились всё более нестабильными и подверженными разложению.

Восемьдесят было критической точкой. Перейдя этот рубеж, одарённый подпадал под влияние, становился вспыльчивым, раздражительным или жестоким и кровожадным. В этом состоянии только железная воля позволяла сохранить остатки человеческого разума.

Но когда уровень загрязнения превышал девяносто и приближался к ста, вероятность потери контроля становилась почти стопроцентной.

В официальных исследованиях давно звучало мнение, что одарённые с уровнем загрязнения выше девяноста — уже не люди, а гуй в человеческой оболочке, подлежащие гуманному уничтожению.

Уровень загрязнения был необратим — однажды повысившись, он уже не мог снизиться.

Поэтому даже одарённые не осмеливались бездумно использовать артефакты-гуй, боясь быть полностью поглощёнными сверхъестественной силой.

— Но, по словам Циньчуаня, Цзян Чэньчжоу сохранил ясное сознание и человеческий разум, — с трудом проговорил директор Чжан. — Возможно, его уровень загрязнения не так высок.

— Такая вероятность существует. В конце концов, Цзян Чэньчжоу и Юань Ся были лучшими одарёнными в Бюро. Но, учитывая частоту его контактов с гуй-мирами и гуй-предметами, эта вероятность крайне мала, — кивнул директор Ван, но тут же добавил: — Хотя последняя операция и провалилась, мы не остались ни с чем. Уровень загрязнения Циньчуаня снизился на три процентных пункта.

В голове директора Чжана промелькнула догадка, и он мгновенно понял, к чему клонит Ван.

— Вы подозреваете, что Цзян Чэньчжоу нашёл способ снижать уровень загрязнения?

— Верно, есть такое подозрение.

— Из-за... ребёнка, — проникновенно сказал директор Ван, — Цзян Чэньчжоу испытывает глубокое недоверие к Бюро. Единственный, кто может заставить его передумать и пойти на сотрудничество, — это Циньчуань.

Нахмуренные брови директора Чжана не разгладились.

— Если так, зачем было его отстранять? Не лучше ли было просто поговорить с ним? Он бы не отказался.

— Ты уверен? — вздохнул Ван. — Циньчуань ненавидит этого ребёнка. При каждой встрече он бросается в драку, его не остановить.

При этих словах директор Чжан замолчал. Он не мог возразить. Му Циньчуань был убеждён, что ребёнок — гуй. Насколько он восхищался своим братом Юань Ся, настолько же он ненавидел это дитя. Одно упоминание о нём заставляло его скрежетать зубами. Он действительно не был уверен, что сможет убедить Му Циньчуаня отбросить свои предубеждения.

Му Циньчуань, которого считали человеком с предрассудками, крепкими, как горы, оторвался от хвоста и насвистывал весёлую мелодию.

Он похлопал по переноске рядом с собой и дал указание:

— Слушай сюда, сейчас будешь из кожи вон лезть, чтобы понравиться моему племяннику. Постарайся выглядеть как можно милее, понял?

Бордер-колли твякнул в ответ.

Му Циньчуань нахмурился. Пёс казался ему глуповатым, совсем не таким умным, как описывала Лин Яояо. Но, по крайней мере, это была настоящая собака — с шерстью и тёплая.

«Уж точно лучше, чем подсовывать ребёнку какого-нибудь гуй», — утешал он себя, считая, что в этом он превзошёл Цзян Чэньчжоу.

Убедившись, что за ним никто не следит, Му Циньчуань активировал Нить-поводок на своём запястье.

Красный шнурок превратился в алую нить, которая, вытянувшись, указала в далёком направлении.

Спустя мгновение на его лице появилась улыбка.

— Нашёл.

Вот она, сила крови.

С тех пор как у Цзян Юаньмяо появилась собака, он был счастлив каждый день.

Теперь у него было много дел: проснувшись, нужно было позаботиться о щенке — налить воды, насыпать еды, расчесать шерсть, а потом ещё и поиграть с ним. Цзян Юаньмяо знал, что у собак много энергии, и если её не тратить, они начинают портить вещи в доме.

Мальчик считал себя самым лучшим хозяином в мире. Под его «тщательной заботой» Ванчай вырос послушным и никогда ничего не портил. Он даже научился сам ходить в туалет!

При упоминании об этом Цзян Юаньмяо гордо вздёргивал подбородок. Это он его научил, собственными руками.

Он, непризнанный гений дрессировки.

Ванчай уже умел стоять на задних лапах, сидеть, лежать и давать лапу!

Единственной проблемой было то, что Ванчай любил грызть мясные косточки и наотрез отказывался от собачьего корма.

Это очень огорчало Цзян Юаньмяо. Сейчас он как раз отчитывал щенка:

— Ты ещё совсем маленький, как можно есть только мясо и не есть корм? От одного мяса у тебя будет несварение.

С этими словами Цзян Юаньмяо подтолкнул щенка к миске.

В миске не было косточек, только гора корма — дорогого, специально купленного Цзян Чэньчжоу.

Ванчай жалобно заскулил. Он же гуй! С какой стати ему есть безвкусный корм, когда есть ароматные мясные косточки?

Но Цзян Юаньмяо был непреклонен.

— Ванчай, будь умницей, не привередничай, — продолжал он увещевать. — Иначе не вырастешь, заболеешь, и у тебя будет болеть животик. Ешь корм.

Он даже без всяких подсказок освоил метод кнута и пряника:

— Если не будешь хорошо кушать, больше никогда не получишь мясных косточек.

Что оставалось делать Ванчаю? Только со слезами на глазах склониться над миской.

Внезапно чёрный пёс резко поднял голову и яростно залаял в сторону окна.

Цзян Юаньмяо склонил голову набок, пытаясь понять, что происходит. Плюшевый мишка уже встал перед ними, свирепо глядя в окно.

Красная нить, пронзив барьер, установленный Цзян Чэньчжоу, плавно опустилась на Цзян

Юаньмяо.

В лапе мишки сверкнул холодный блеск, и он одним ударом рассёк нить.

Но та, что казалась такой хрупкой, развеявшись от удара, тут же восстановилась и снова обвила запястье мальчика.

«Проклятье, проклятье, проклятье! Что ещё за нечисть осмелилась творить свои тёмные дела на моей территории?!»

Чёрный пёс, желая выслужиться, принялся лаять на окно в надежде, что маленький дьявол перестанет заставлять его есть сухой корм.

Цзян Юаньмяо, услышав шум, с недоумением склонил голову.

Он бессознательно коснулся правого запястья. Никакой опасности он не чувствовал, наоборот — по телу разливалось странное тёплое ощущение, словно от кровной связи.

Тук-тук-тук.

В окно постучали.

— Малыш, открой, это твой дядюшка! — громко крикнул Му Циньчуань.

Он с трудом нашёл это место и первым делом увидел знакомый барьер.

«Проклятый Цзян Чэньчжоу, он запер моего племянника, как преступника! Я так и знал, что он не умеет воспитывать детей. Ребёнка нужно передать мне».

Боясь напугать мальчика, Му Циньчуань нарочито ласковым голосом позвал:

— Племянничек, дядюшка принёс тебе подарок! Смотри, что это!

— А ну, давай, милашничай! — он ущипнул бордер-колли за ухо.

Щенок был на грани обморока. Он же обычная собака, за что ему всё это? Лететь по воздуху было уже достаточно страшно, но дом впереди, окутанный зловещей аурой гуй, был ещё ужаснее. А самым страшным был этот человек, который ещё и поднёс его к окну.

«У-у-у, меня сейчас съедят!»

Бордер-колли издал душераздирающий визг.

<http://bllate.org/book/13420/1194695>